

ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ

ОЖИДАНИЕ

РАССКАЗ

Поезд пришёл и ушёл, а жена опять не приехала. Уже разошёлся народ, а Борис всё стоял, глядя на далекие огни семафоров, влажно блестящие на тёмном небе, и думал о Кате. Тёплый ночной воздух угарно кружил голову. Несмотря на поздний час, было душно, как перед грозой.

Опустившись на лавку, Борис устало закрыл глаза. Два месяца назад они расстались словно чужие, не сказав на прощание ни слова, только дочь упрямо твердила на все объяснения: “Почему ты не едешь к бабе?” Катя упрямо смотрела в окно, в запотевшей влажности которого тонули огни вокзала, мелькали силуэты проходивших по платформе людей. Уязвлённые гордостью, непримиримые до жестокости, они не разговаривали больше месяца, словно и не было меж ними ничего, кроме этой бессмысленной ненависти друг к другу. И также молча, не оборачиваясь, Катя вошла в вагон, а, пройдя на своё место, даже не выглянула в окно, в то время как дочь, расплю-

ЧУГУНОВ Владимир Аркадьевич родился 6 апреля 1954 года в Нижнем Новгороде (Горький). После службы в Армии работал на Горьковском автозаводе слесарем, ГЗАСе (Горьковский завод аппаратуры связи им. Попова) регулировщиком радиоаппаратуры. В течение четырёх лет работал в старательских артелях в Иркутской, Кемеровской, Амурской областях, Алтайском крае радистом, бульдозеристом, съёмщиком. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Нижегородский педагогический университет (курс практической теологии). Работал пастухом. В 1990 году в журнале “Москва” вышла первая повесть “Малая церковь”, в 1991 году в журнале “Наш современник” — повесть “Деревенька”. С 1990 года в священном сане. Автор книг прозы: романов “Русские мальчики”, “Мечтатель”, “Молодые”, “Невеста”, сборников повестей “Плач Адама”, “Наши любимые”, “Матушки” и других. Одна из книг переведена на сербский язык. Живёт в старинном поволжском селе Николо-Погост Городецкого района Нижегородской области.

щив о стекло нос, смотрела на него немигающим взглядом. Поезд медленно тронулся. Борис машинально двинулся за уплывающим окном, дочь стала махать, заплакала и тут же исчезла в законном пространстве. Поезд, набрав скорость, пропал в ночи. И хотя с отъездом жены разом прекратилась вся эта бессмысленная суета — сборы, страх в ожидании очередного скандала, зато вновь появилось знакомое чувство ревности, как в дни их первой разлуки, когда Катя уезжала на неделю к родителям. Они только начинали жить, были молоды и совсем ещё дети. Что-то несерьёзное и ребяческое было в их отношениях, в шуточных намёках на предполагаемую друг в друге порочность, в неумелом скрывании страха от несуществующих измен. За два года супружеской жизни они многое пережили, но так и не научились понимать друг друга.

И теперь, сидя на пустой платформе, Борис в очередной раз за эти бесконечные дни разлуки перебрал в памяти всё, что произошло.

* * *

А началось с дневника, который он нечаянно обнаружил среди Катиных вещей вскоре после свадьбы. Это была общая тетрадь, с множеством наклеек и картинок, с записями, которые Катя вела, пока он служил в армии. Дневник тревожно удивил. И первое, что неприятно бросилось в глаза, было:

*“Сердце любит не однажды,
Сердце любит много раз.
Но не любит сердце многих,
Оно любит только Вас”.*

Кого именно — не сообщалось, и это, походя, задело самолюбие. Дальше читал бегло, торопясь, выискивая лишь то, что хотел и боялся найти. Перед глазами мелькали вырезки из журналов, герои романтических фильмов... И так неожиданно, так сильно вспыхнула в нём вдруг ревность к этим пустым, смутившим воображение картинкам о какой-то совершенно иной Кате.

“Я боюсь его взгляда, боюсь его насмешливого голоса...” — прочёл он где-то в середине — и вскочил, как ужаленный.

Катя стояла в дверях — усталая, тихая, спокойная, пришедшая с работы на обед чуть раньше обычного. И та, и не та. Жена, близкий человек, и в то же время чужая и загадочная. Едва сдерживая себя, он протянул ей дневник: — Вот это вот... вот — что?

Утомленно глянув, Катя взяла из его рук тетрадь. Поправила свободной рукой волосы, выбившиеся из-под светлой косынки, прочла, задумалась, растерянно, вспоминая улыбку и, пожав плечами, возразила:

— Ну и что?

— Как это — что?! Как это — что?! — вспыхнул он, не в силах владеть собой. — Да как ты могла? Да я смотреть на тебя после этого не могу! — И закричал, уходя в другую комнату: — Я думал там, что ты... ты... а ты тварь!

Катя обиженно поджала губы, заморгала глазами и, отвернувшись к стене, заплакала. Он долго крепился, а потом подошёл и взял жену за руку. Катя отдернула руку.

— Уйди!

— Кать... ну... прости. Ну слышишь? Не плачь. Катя. Ну не плачь. Ну, если я такой... ненормальный. А хочешь, — осенило его, — хочешь и я тебе про себя всё расскажу?

И, не дожидаясь согласия, принялся плести небылицу о том, как однажды, в армии, к нему на дальний, за территорией части, на свинарнике, пост пришла немка, и он “это... не выдержал, в общем, вот...” Так действительно было, только не с ним, а с солдатом из его отделения, о чём тот бахвалился перед всеми в каптёрке, а сам он, будучи сержантом, на посту никогда не стоял.

* * *

Поднявшись с лавки, Борис сходил в зал ожидания, купил билет и, пройдя подземным переходом на нужную платформу, вошёл в совершенно пустой вагон электрички. Глянув на своё отражение в чёрном глянце окна, отвалился на спинку сидения и опять стал думать о Кате. Он думал о ней все эти дни, думал постоянно, думал с болью. Чувство это было тем сильнее, чем больше он тосковал по Кате, по тому утраченному семейному уюту, теплу, по той пропавшей с её отъездом уверенности в себе.

Тогда, неумело сочиняя историю с немочкой, отчасти в отместку жене, ему казалось, что Катя не слушает, каково же было его удивление, когда полгода спустя, вернувшись от родителей, она напомнила ему об этом.

* * *

В тот день сильно мело. Борис встречал Катю на той самой платформе, на которой вот уже вторую неделю не мог дожждаться теперь. Вынырнув неожиданно из снежной замяти, поезд налетел со свистом, гоня перед собой облако снежной пыли, слепя светом сплошной полосы окон, плавно плывя вдоль высокого длинного перрона. Дробно вздрогнув сцеплениями вагонов, остановился. Из открытых дверей потёк народ. Когда, наконец, появилась Катя, в белой песцовой шапке и в пальто с таким же воротником, у Бориса сладко сжало сердце.

А потом на такой же поздней электричке они добирались до своей станции, и всю дорогу от неё, почти два километра через пристанционный поселок, и весь тот вечер только и делали, что целовались и никак не могли нацеловаться, поперебой ухаживая друг за другом.

И когда Катя в порыве чувств сказала: “Боря-а, Борь, прости, а... за ту запись в дневнике... Я такая дура... И так тебя люблю”, — он принялся уверять, что ровным счётом ничего эта запись для него не значит, что он давно уже всё забыл, и что какая же она, Катя, глупая, что вспомнила об этом теперь, когда им так хорошо.

Он уже засыпал, когда с особой, очевидно, мучившей её все эти дни, болью Катя спросила:

- Она была красивая?
- Кто?
- Та немка?

* * *

Поезд стоял на путях более десяти минут, пропуская “скорый”. Было тихо. В опущенные окна вагона мягкой свежестью втекали запахи березовой серьги, грибов и железной окалины. В вагоне был потушен свет, и только матово, напоминая о прошлом, горели дежурные фонари.

* * *

А тогда у него было прекрасное настроение. В танцевальном зале горели разноцветные бра. В такие вечера Борису казалось, что, женившись рано, сразу после в армии, он будто бы что-то пропустил в своей жизни. И теперь завидовал тем, кто был а зале “вольной птицей”. И когда Катя вышла, а его пригласили на “дамский танец”, с удовольствием пошёл. И ещё издали заметил недовольное лицо вернувшийся и застывшей у входа в зал Кати.

- И как? — с вызовом в голосе спросила она, когда он подошёл к ней.
- Ну я же не виноват, что ещё могу нравиться... — попытался отделаться шуткой: — Кстати, как она тебе?
- Горбатая и, вообще, растрёпа!

Он засмеялся, наслаждаясь её ревностью, и в порыве самовлюбленного великодушия предложил:

— Ну хочешь я для тебя спою?

И, не дожидаясь ответа, пошёл к эстраде.

Пел с настроением, ловя в зале восхищенные взгляды школьников. Но когда увидел Катю, танцующую с кем-то, чуть не поперхнулся от внезапной вспышки ревности. Насилу допев, соскочил с эстрады, нарочно не замечая жены, деловито прошёл мимо и, выйдя из танцевального зала, заперся в своем кабинете. Всё в нем, как и тогда, при чтении дневника, поднялось до бессмысленной, тупой злобы. “Так, может, это он, тот, тот самый?” — услужливо взбрело в голову.

В дверь легонько постучали.

— Ку-ку, это я... — слышался насмешливый Катин голос. — Ну-у... я же не виновата, что ещё могу нравиться, — прибавила она.

— Ну-ну! Не смею мешать! — крикнул он с напускною весёлостью.

— Ага, — с тою же издевательскою насмешливостью заключила Катя. — Стало быть, домой вас теперь не ждать?

— Разумеется, я теперь лишний!

— Ну конечно же — тебе её хочется проводить!

Он не ответил. Катя постояла ещё немного, поскребла ногтями дверь и в гордой непримиримости застучала каблучками. Он же едва высидел до конца танцев. Когда же увидел из окна идущую домой Катю, а следом за ней, на некотором, правда, расстоянии того самого парня, терпению его пришел конец.

Выскочив на улицу и наскоро заперев дверь, он пошёл следом, стараясь быть незамеченным, дрожа от ревности. Было темно и сыро. Снег хлопал под ногами, с крыш бежала в хрустальные торосы вода. Борис не мог слышать их разговора, но всё, о чем они могли бы теперь говорить, казалось ему оскорбительным, подлым, замышляемым против него.

Возле подъезда двухэтажного дома из белого кирпича Катя остановилась. Задыхаясь от волнения, Борис прильнул к электрическому столбу. Отсюда ему хорошо была видна Катина улыбка, и то, как отрицательно покачала она головой, а затем, пожав плечами, как бы в чём виноватая, поспешно вошла в подъезд. Парень постоял немного, закурил и ушёл.

Было по-весеннему чудно и тихо, влажно дышала размягчённым снегом земля, уже разошёлся с танцев народ, а Борис всё стоял в ожидании, когда выбежит “к тому” на свидание Катя. И она действительно вышла. Остановилась в дверях, посмотрела на пустую, погружённую в сиреневое затишье улицу, и повернула к клубу.

Сгорая со стыда, Борис незаметно скользнул за кусты акаций и, по-шпионски пригибаясь, побежал к клубу вкруговую через парк. От волнения долго не мог вставить ключ и отпереть дверь. Какая-то пробегавшая мимо случайная собачонка остановилась и, подумав, предательски тивкнула на него. Он топнул на неё, но та, отлетев с испугу назад, залилась что было моченьки.

Наконец, очутившись в кабинете, Борис включил свет, сел за стол и раскрыл первую попавшуюся тетрадь. Сначала было тихо, и он подумал, что ошибся, и что Катя действительно ушла на свидание. Но вот послышались скрип тяжёлой входной двери, робкие шаги по фойе. Дверь в кабинет открылась. Борис даже не обернулся, лишь по спине пробежали мурашки.

Катя подошла и в знак примирения положила ему руки на плечи.

— Может, хватит?

Он резким движением скинул её руки и, повернувшись, глянул таким ненавистным взглядом, что Катя даже засмеялась.

— Уж и вообразил не знай что!

— Ну и как?

— Что-о?

— Ещё скажи, не знаешь, о чём я. Я же видел, как вы пошли!..

Катя протестующе усмехнулась.

— Ну, во-первых, не пошли, а он сам потащился, а во-вторых, что за тон?

— А в-третьих?

— А в-третьих... — на мгновение задумалась она. — А в-третьих, если муж не оказывает внимания жене, она вынуждена искать его от других! — с непримиримостью заявила она, и он ударил её по щеке.

Как бы удивлённо вскрикнув, Катя закрыла лицо руками и выбежала из кабинета. Борис не двинулся с места, а потом, дрожа от холода, ещё часа два стоял возле дома, в ожидании того, что могло оправдать его низкий поступок.

Уже подмораживало, когда он вернулся в клуб и заснул в своем кабинете на стульях, в слабой надежде на чудо оставив открытой входную дверь.

Разбудил его Геннадий Васильевич Агафонов, баянист, пьяненький, красный и до неузнаваемости опустившийся в последние дни. Три дня как он вернулся с похорон матери и все дни напролёт пил.

К вечеру они мало отличались друг от друга и шумно спорили о добре и зле, о непродолжительности земного пути, о горе, о счастье и отчего им не показывают другую сторону луны.

— Нет, Геннадий Васильевич, вы не правы, — в очередной раз пытался уверить собутыльника в обратном Борис. — Я вас спрашиваю конкретно: что такое брак?

— Как это — что? Продолжение служебного списка.

— Это вы, хе-хе, загнули. То, что вы говорите — мрак, а брак — это туманность Андромеды! Понимаете?

— Туманность чего? Анд... Не, не — не так!

— А как?

Геннадий Васильевич взял со стола бутылку водки, показал наклейку.

— Обрати внимание. Убери одну букву, всего одну. И что получится? Вода. Простая водичка, которую Христос, так сказать, претворил в вино — во-от! — и с кажущейся горестью добавил: — Через то и маемся.

— Через что?

— Без объяснений!.. Ты только вникни, Боря. Ты только раскинь мозгами! Мы хорошо научились оттачивать ногти, чтобы не царапать окружающих, но совсем разучились “быть”. Понимаешь? Быть! А это ужасно!

— Что значит — быть?

— Без объяснений!.. Съехались, понимаешь ли, пять болванов, ни ступить, ни поклониться. Старушки молятся, а мы друг перед другом топорщимся. А чего топорщимся? Мы же все помрём, Боря! Понимаешь? Все!

— А я не хочу!

— Да кто тебя спрашивать будет. Что есть жизнь?

— Что?

— Вздох. Вздохнул и, хочешь или не хочешь, будь любезен выдохнуть.

— Понимаю. И всё равно простить не могу!

— А я всех простил, всех! Всех! Хотя они и в обиде за то, что мама дом подписала мне одному, самому непутевому. Понимаешь? А я, — чуть не рыдая, воскликнул он, — я его продал и прошил! А спроси — зачем? Нет, ты спроси, спроси?

— Зачем?

— А я знаю? Наливай!

Разговор их становился всё бессвязней.

Спустя два дня, ночью, в клубе, с Борисом сделался приступ. И благо был рядом неизменный Агафонов, а то бы неизвестно, чем кончилось.

— Э-э, друг, да тебе не то что пить, нюхать её нельзя с твоей печенью! — буквально во второй день сказал ему лечащий врач.

И для Бориса началось самое тяжёлое время. Жизнь его в те дни походила на какое-то выжидание, на медленное и мучительное приближение неизбежного. Особенно обострилось это чувство, когда приехал в очередной отпуск из тайги старший брат Андрей. Он появился в больнице с целой сеткой апельсинов, шумный, весёлый, самоуверенный, с всегдашней присказкой — “Пришёл, увидел, победил” — которую трактовал по-своему. И сразу после его ухода Бориса замучила ревность. Катину непопадение в больницу как нельзя лучше подогревало её. Чего-чего только не приходило ему по этому поводу в голову. Во сне он бил жену по лицу за измену, удивляясь её скорб-

ному молчанию, порочному терпению сносить всё. И всякий раз просыпался в ужасе, с желанием сбежать отсюда.

В день приезда Кати в его жизни произошло событие, оставившее неизгладимый след в душе. С утра был сильный туман, в котором плавало позимнему холодное солнце. Оно не слепило глаза, смотреть на него было приятно, а тем более теперь, когда столько ненужного времени сулил каждый новый день впереди.

В дверь постучали, приоткрыли, сказали: “Воробьев, к тебе пришли”.

Борис вышел. На лестничной площадке было много народа, посетителей и больных, но он сразу увидел до боли родное, румяное от мороза лицо. Жена стояла возле окна, в песцовой шапке, в пальто, с сумкой в руке. Тихая, родная, но вместе с тем и чужая.

Борис остановился в нерешительности, не зная, как поступить. Глянув на него с нескрываемой обидой, Катя упрямо отвернулась к окну.

— Я только приехала сказать — я уезжаю к маме.

Борис обиделся, ничего не ответил и стал упрямо смотреть себе под ноги. По-прежнему на него не глядя, Катя сказала чужим голосом:

— Пойду. — На лестничной площадке остановилась, мельком глянула и, с неумело скрываемой забывчивостью, сообщила: — Да! Бабушка умерла. Вчера утром.

* * *

За окном мелькнули огни знакомого переезда, поезд стал тормозить. Борис поднялся и вышел на совершенно пустую в столь поздний час платформу. С шипом сомкнулись двери, и электричка с воем унеслась во тьму.

Сойдя по ступенькам, Борис пересёк пути и направился через пристанционный поселок туда, где прожил всю жизнь, где жили его родители, где впервые познакомился с приехавшей на практику на тепличный комбинат Катей, откуда ушёл в армию, где теперь, после окончания музыкального училища, работал заведующим клубом и заочно учился в Самарском институте культуры.

“Катя, я не могу без вас! Слышишь?” — зачем-то сказал он в темноту душевной ночи. И, вспоминая день бабушкиных похорон, который раз за все эти дни разлуки выругал себя за то, что не сказал тогда об этом Кате, а она, может быть, только этого и ждала.

* * *

Нет, ему никогда не забыть того дня, монотонного чтения псалтири, запаха сухого льда, церковных свечей.

В большой комнате родительского дома, посередине, на табуретах стоял гроб, а в нём бледная, тихая, будто спящая бабушка. По какому-то непонятному для него древнему обычаю под гробом лежал топор, стоял таз с бордового цвета водой. Справа, на скамейке, сидела многочисленная родня и среди них — Катя в черном платочке. Все молча, беспомощно глядели на покойницу.

“Рече безумец в сердце своем: несть Бог, — монотонно читала чтница. Борис невольно прислушался. — Растлеша и омерзишася в беззаконних, несть творяй благое. Бог с Небесе приниче на сыны человеческия, видети, аще есть разумевайя, или взыскайя Бога? Все уклонишася, вкупе непотребни быша, несть творяй благое, несть до единого...”

И Бориса вдруг пронзило: “Как? Неужели — ни одного?”

Он быстро окинул взглядом сидевших у гроба. Но никто, кроме него, не обратил внимания на эти слова. И так жалко, так беспомощно выглядели в эту минуту все перед лицом смерти, что Борис не выдержал и вышел в коридор.

А потом бабушку похоронили. И были грустные поминки, и до самого отъезда упрямо, как думалось тогда, или выжидательное, как верилось те-

перь, Катино молчание. А ещё через неделю Борис уехал в Самару на весеннюю сессию и, вернувшись через месяц в пустую осиротелую квартиру, отправил жене письмо. В нём и было-то всего: “Простите. Приезжайте. Очень жду”. И, не дожидаясь ответа, каждый вечер ездил к поезду. Это продолжалось вторую неделю, а жена всё не возвращалась.

* * *

Небо, удивительно звездное, лежало над посёлком. Бездонным провалом темнел огромный пруд. А в той стороне, где был город, уже светлело небо.

От воды дохнуло прохладой. Поднявшийся ветерок погнал на песчаный берег волну.

Борис вздрогнул, словно очнувшись от короткого сна.

“Неужели же ты не вернешься, Катя?” — сказал он тихо и повернул к дому.

Нужно было немного поспать, а потом идти на работу, а затем успеть на вокзал к поезду.